

Свящ. Алексей СЫСОЕВ

АКСИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

«Где нет волов, там ясли пусты; а много прибыли от силы волов», — так задает нам приточник загадку о мире, устроенном для нас, данном нам на возделывание. Мир – ясли – пуст тогда, когда мы не находим желанья или умения услышать в окружающей обыденности божественный зов, догадаться о дополнительной задаче при прохождении бытия. То, что обнаружение внутреннего смыслового ядра в вещи или явлении есть постоянное задание, между прочим, утверждается в языке, языковым сознанием. Так, одно из существенных определений вещи или явления — изящный, содержит в себе смысл «изъятый, извлеченный, найденный в недрах обыденного существования». Итак, в данной вещи надо опознать нечто искомое. Тогда вещь предстанет понятой (по-ятой), достойной доверия и исполненной красоты. Далее мы хотим показать, что это искомое — изящество вещи или явления — есть ее определенность в ценностной среде, ее аксиологическая оправданность.

Аксиология (греч. — «достойный, значимый») — учение об определяющем достоинстве вещи, таком, при котором вещь (или явление) получает признание как осуществившаяся. На это указывает и производное слово — аксиома — положение настолько почтенное, что не требует обоснований, самодостовренное. В сфере нравственной то же обоснование доверия полагается в клятве (ср. Евр. 6:16). Итак, существует некий ценностный предел, дающий удостоверение и меру вещи или явлению. Он не пассивен, но, напротив, обращен к нам, ищет нашей познающей активности. Ибо и мы, познающие, воспринимающие вещь или явление, нуждаемся в определении, прояснении, утверждении.

«Будьте святы, ибо Я свят» (Лев. 11:44) — такова удивительная заповедь, данная слабому, несовершенному человеку, никто не свободен от исполнения ее, ибо в этом — попадание человека на должное ему место в бытии. Вообще говоря, главная проблема человека, правильное определение его, заключена в том, как и насколько он способен к Богоугождению. Ибо человек динамичен, способен глубоко изменяться, водворяться и в равноангельском и в нижеестественном состоянии. В свете Богоугождения, благоразумия происходит и «встреча со знанием», или, по притче, «увенчание знанием» (Притч. 14:18).

В знании, таким образом, мыслится некий духовный плод, превышающий наши утилитарные представления и потребности, но питающий и образующий нас. Он один, этот духовный результат, должен быть в поле нашего зрения, он руководит и направляет весь образовательный процесс. По этому признаку можно опознать вещь как заданную в одном из двух противоположных начал в образовательном процессе.

Первое начало — начало сакрального, или заветного, храмового

воспитания. Когда Бог в Раю проводил перед Адамом вереницу Своих творений, Адам умел как-то отличить каждое из них и наречь каждому собственное имя. При этом не производилось рассуждение, но как бы налагалась печать познания.

Такое необсуждаемое познание составляет непрерывную церковную традицию со своею особенною логикою; у апостола Павла, например, сказано: «Не сама ли природа учит нас, что если муж растит волосы, то это бесчестие для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала? А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни Церкви Божии» (I Кор. 11:14-16). Такой же необсуждаемый образец, образ Небесной Скинии, был показан Моисею во время его сорокадневного пребывания на горе Синае (Исх.25:40) с заповедью все исполнить в точности и из точно указанных земных материалов. Это было исполнено, и сотворение Скинии можно считать полным осуществлением чисто храмового начала в образовательной культуре.

Если мы погрузимся в традиционное истолкование этих образов, мы уразумеем специфическую предметность этого предания и его логическую структуру. Все сводится к описанию человека в его священной принадлежности Богу. Дается круг его действий, при котором весь священный статус человека многообразно воспроизводится в ритуале, обещая ввести человека в «покой Его» (Евр.4:1). Покой в Боге есть цель всего воспитания человека в этой жизни; вместе с тем дается и конечное определение человека. Самой общей формой такого научения служит ограниченность миропознания, сосредоточенность на строго избранном предмете. «Сын мой!.. Если будешь призывать знание и взывать к разуму, если будешь искать его как серебра, и отыскивать его как сокровище, то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге» (Прит. 2:3-5).

Памятниками такого предания можно считать известные учительные книги Ветхого Завета, в новозаветное время это «Педагог» Климента Александрийского, омилии св. Ефрема Сирина, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоустого, позже — различные сборники: «Шестоднев», «Измарагды», наконец, «Домострой». Пожалуй, самым выдающимся изъяснением такого научения служит смысл и содержание праздника Введения во Храм Пресвятой Богородицы, где с последней ясностью показано, что человек совершается как человек именно в храме. В этом празднике апогей храмового начала в образовательной культуре.

Рядом с этой традицией развивается иное направление в образовательной культуре с иными образовательными установками. Если в храмовом начале человек задан и должен, ограничившись, вобрать в себя свое содержание от Бога, то здесь в ситуации далекости, отчужденности от Бога средостением первородного греха человек должен вычитывать бытие Божие в творениях, а закон заповедей — в совести своей (ср. Рим. 2:14-15). И в этой образовательной культуре формируется особая действительность, особая система ценностей.

Когда у Гомера читаешь знаменитый, на многие страницы растянутый

список кораблей, удивляешься устойчивому интересу и неослабному волнению при этом зрелище. Когда воспринимаешь лучшие образцы античной скульптуры, удивляешься отсутствию следов бланности, удивляешься самой логике построения обнаженного тела, лишенного всякого соотнесения с эмпирией, построенном по требованиям какого-то умозрения. Каждое достижение, каждое имя мастера есть, вместе с тем, отчетливый этап такого умозрения. Думается, что умозрение это — прояснение центрального положения человека в мироздании, его религиозная уникальность. В древнегреческой литературе поражает умение не морализуя опознавать правду событий, находить (как бы из мусической вечности) позицию для понимания другого человека без слияния с ним; поражают постановка и решение трагической проблемы жизни, когда зло бесконечно наказывается злом, и человек, повинный року, не может вырваться из своей пораженности до определенного предугаданного предела, до времени, когда богочеловеческий суд Ареопага открывает возможность милости («Орестея» Эсхила).

Таким образом, античная культура, по определению далекая от культуры Богооткровенной и связанной законом заповедей, находит себя в своих высших проявлениях на таком накале аксиологического напряжения, каковое может быть названо преддверием богословия. «Высокий религиозный дух, характерный для греческой культуры, проник в основном в поэзию и философию, почти не коснувшись религиозного культа, который обычно является основным объектом изучения историков религии», — говорит знаменитый филолог-классик Вернер Йегер в работе «Пайдейя».

Центральной фигурой этого образовательного направления, его апогеем, является Сократ. Это был столько же мыслитель, сколько и деятель, умевший как никто доводить свою мысль до конца, увенчавший кончиной цельность жизненной позиции. «Самое важное и новое в учении Сократа в том, что он видел смысл существования человека и всей общественной жизни в нравственном характере каждой отдельной личности», — заключает тот же исследователь. Неустанный искатель истины во всем, Сократ не отступал от единой заповеди «Познай самого себя», положившей прочное основание исследованию словами «Я знаю только то, что ничего не знаю». Он приходит к обнаружению добродетели как знания того, что уже существует в человеческой душе. Будучи из «дальних» (Еф.2:13), он приходит к парадоксальному, но твердому убеждению, что знание совпадает с благом. Обретение душой «этического кодекса» и есть путь, предначертанный природой человеку. На этом пути он пребывает в счастливом единстве с природой, или, как говорили греки, «евдаймонии». Не будучи мистиком, но деятельным, практичным и общительным человеком, Сократ приходит к порогу восприятия важнейшего феномена человека — его души. «Служение душе — это Богослужение, ибо она — мыслящий дух и нравственный разум, а это — самое высокое в мире» (В. Йегер).

Так, намеченное слабым контуром научение, вырастающая из «дальнего» начала пайдейя, по необходимости находящая твердые ценности

в самопознании человека в земном его бытии, в образовательной культуре должна быть еще раз сопоставлена с «ближним», храмовым началом образования, данным через Откровение. Сакральное, заветное, или храмовое воспитание можно обозначить именем Домостроя. На это наводят слова св. апостола Павла: «Дом же Его — мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца» (Евр.3:6).

Первое положение храмового воспитания — положение заданности человека, или его избранничества: «Дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего» (Рим.9:11-12). В этой заданности, избранности, человек уже владеет своим будущим, но до времени он как бы унижен и странен: «...наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего» (Гал. 4:1). Задача его роста — навикнуть послушанию и усовершенствоваться страданием (ср.Евр.5:8). Вся программа его «наполнения» в следующих простых наущениях: «Сыне, не пренебрегай наказания Господня, и не ослабевай от Него обличаем: его же бо любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, егоже приемлет» (Притч. 3:11-12). И еще: «Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности» (Евр.12:11). Еще же это встречное и добровольное движение воли к самоограничению производит как бы усиление мотивов верности приятием личного подвига — телесного или нравственного. Этим расширяется и углубляется будущее сыновнее обладание. Таковы три основные момента воспитания в Домострое.

В противоположном воспитательном направлении, где человек дальний, в античной пайдейе, следующие этапы и положения. Человек, прежде всего — проблема. «Познай самого себя», — назвал оракул Сократу его цель и, тем самым, определил его статус, соответствующий избранничеству в Домострое. Далее: «Я знаю то, что ничего не знаю», — этот девиз максимально расчищает основание познания, высвобождает его от давления извне. Это по-своему соответствует неясной наполненности содержанием сына-раба в Домострое. Вместо внешнего авторитета закона заповедей — открытие того, что добродетель есть знание, понимаемое как узнавание уже существующего в человеческой душе. Существенной целью и, вместе, заданием в пайдейе служит интуиция: знание тождественно благу, и оно есть апогей доверия к миропорядку, мыслимому на большой глубине. Это также бывает по усовершенствованию через страдание. Наконец, нужно отметить большую, чем в Домострое, общественную активность человека в этом воспитательном направлении, большее значение дружбы, тонкого взаимопроникновения людей, служения Родине, общения через научное и художественное творчество. Венец и произведение этого воспитательного процесса в целом — некое постоянное — доблесть. Это уже как бы преддверие понятия личности в человеке как дара «Неведомого Бога».

Как видим, основные результаты двух образовательных направлений не совсем расходятся, многое прямо совпадает. Однако, превосходство, как бы «первородство» первого направления (Домостроя) надо принять.

Описание и сопоставление двух образовательных направлений — суть то, что св. апостол Павел именует «обоими», во Христе ставшими одним, «ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир» (Еф. 2:14-15). Здесь дается учение о Церкви как о «полноте Наполняющего все во всем» (Еф.1:23), о полноте, способной выявить прежде предустановленное ко спасению во всех временах и народах вместе, обнаруживая недостаточность любой отдельно взятой традиции. Это дает основание для возникновения многих синтезов в последующем движении культуры, где исходные составляющие благодатно сохранены в полноте церковного свидетельства (Еф.3:10). Так, лучшие из даров Божиих Иудеям (Откровение) и Еллинам (*пайдейя*) стали основой синтеза, где, как и положено, каждое исходное сохраняется, хотя и в преображенном виде. Уже ближайшая история показала существенное взаимопроникновение этих традиций. Греческий язык стал языком Нового Завета, в Символ Веры, после долгого поиска, вошли небиблейские термины (*омоусис*), иконопочитание освоило античную теорию образа вместо прежнего запрета на изображение. Открылась возможность опознания тех предощущений Бога (Деян.17:27), которые были смыслом жизни народов в период до Богопришествия и особенно отметили индивидуальность этих народов.

Самое же главное для нас то, что теперь каждая вещь содержит в себе соотношение этих двух образовательных начал в особенном их единстве. Этим вещь существует, обретает жизнь в себе. Так, древнеримское судебное здание, базилика, оказывается способной стать храмом Единого Бога, и вновь строящиеся храмы воспроизводят именно базилику, а не реконструируют, хотя бы и по памяти, Иерусалимский Храм.

Возьмем детский рисунок. Он являет собою преобладание храмового начала, свободного ведения того, что дано через цвет. Ребенок все способен понять и передать через цвет, иногда даже при задержках в интеллектуальном развитии, однако, чтобы получить взрослый рисунок, к этому нужно добавить элементы пайдейи. Мы даем элементы диалектики: соотношение тела и фона, части и целого, погружение в деталь, несущую информацию целого и т.п., и из этих как бы абстрактных, эфемерных компонентов выстраивается учебный рисунок, вещь, наполненная строго определенными смыслами и назидательной красотой.

В описанном примере мы вплотную подошли к центральному акту ценностного оплодотворения предлежащей реальности: к введению в ясли быков библейской притчи. Совмещая разнородное в производстве вещи, получая единство, не разрушающее исходного ее состава, мы улавливаем радостное уверение в подлинности Божественного попечения о нас и о мире, аксиологически оправдываем вещь и наше действие в мире. Ибо здесь исполняются слова Спасителя, сказанные самарянке у колодца Иаковля: «Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время, и настало уже, когда

истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4:21,23).

Нетрудно видеть, что это свойство вещи вбирать в себя единство «обоих» содержит самодеказательность истины. Здесь отсутствует сама возможность авторского произвола, негодной прихоти, соблазняющей нас. Автор перед ликом созидаемой вещи находится как бы в состоянии оторопи, по слову поэта, «оробелой верности тайне». Он много научается при этом, ибо исходные составные элементы вещи обнаруживают новые смыслы и предстают в новом свете. Этот стихийно появляющийся историзм в творчестве вещи имеет и мощное религиозно-этическое значение: некоторые прежде жившие праведники «не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» (Евр. 11:39-40).

Ясно также, что аксиологически раскрытая и оживленная вещь сразу становится мощным инструментом воспитания. Причем тот, кто воспринимает вещь, преподанную таким образом, воспитывается как бы изнутри, соприкасаясь с самим бытием, самой реальностью. Сама же реальность становится особенно достоверной, ибо не просто слепо предстает человеку, но дается ему претворенной, заодно ограждая его произволение. Человек ощущает устойчивое состояние, как бы предвкушая свое достоинство «будущего покоя» (ср.Евр. 4:11).

Итак, найденное соотношение образовательных начал всегда ценностно характеризует вещь и ее исторически раскрывающееся богатство по слову Спасителя: «Я есмь дверь: Мною кто войдет, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10:9). Эта-то «пажить» - образовательная ценность — наполняет длящийся в истории образовательный процесс и искусно руководит им. Ибо сама история «подорвана» в своем самотождественном движении: «...время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего», — учит нас апостол (I Кор. 7:29-31). Чтобы как-то прикоснуться к этим надысторическим смыслам и показать их образовательную цель и содержание, укажем кратко на характер и место школы в образовательной ситуации в двух исторических эпохах: Средневековья и Нового времени.

В Средневековье выделялась лишь священная принадлежность человека Богу, деятельность как служение спасения. Таким образом, воспитание человека мыслилось и происходило в основном в храме. Школа же, как традиционный институт обучения, мыслилась где-то на дворе храма. Весь феноменальный мир природы давался ограниченно, избирались лишь некоторые утилитарно-практические и риторически значимые его аспекты.

Эта аксиологическая программа была исчерпана, и в эпоху Нового времени ценности перегруппировываются. Главным предметом внимания становится не человек в его умно-сердечном ядре, но то, что окрест его. Статус образа и подобия Божия закрепляется за всякой вещью феноменаль-

ного мира. Сам человек становится предметом пристального внимания, но лишь со стороны своей низшей природы. В этом плане он сравнивается с другими явлениями тварного мира и ищет свое иерархическое место по этим признакам. Учительное слово фактически переводится с амвона в трудно локализуемую среду научно-философско-художественного вопрошания, причем становится весьма относительным и без труда подвергается переменам. Школа становится одним из центральных общественных институтов, местом постоянного поиска и совершенствования методов обучения и воспитания.

Но при всей глубине контраста между Средневековьем и Новым временем мы находим лишь перемену позиций. Ибо в каждой образовательной ситуации нарабатывается сумма ценностей и – итоговая ценность религиозного характера. «Аще возму крыле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя наставит мя, и удержит мя десница Твоя» (Пс. 138:9-10) - наставление Господне и есть то, что «настигает» нас на пути, составляет реальную движущую силу и всепроникающее задание образовательного производства, превышающее всякое отдельное произведение и дающее Божественное дарование в собственность.

Опубликовано: *Воспитывающее образование: Сборник научных статей.* М., 2007, с.8-17.